

Каждый год в свои короткие дни отпуска он проводил на её склонах, то вдыхая аромат рододендронов на пике Ляньхуа, то наблюдая за морем облаков с террасы Цинлян, то неспешно припоминая чашку чая в кумирне Байюньань. Где бы он ни находился на горе Хуаншань, тонкие нити дождя всегда омывали его широкие плечи, а густой туман, похожий на легкую печаль, окутывал лицо, не давая разглядеть, сколько скрытых долин и пропастей таят в себе семьдесят два пика, и сколько прошлых событий buried в них.

Хотя он и влюбился в Хуаншань с первого взгляда, гора не была к нему слишком благосклонна.

Пять лет пролетели незаметно, и каждый раз, когда он преодолевал тысячи ли, чтобы приехать сюда, погода неизменно стояла пасмурной: густой туман, сильный ветер и проливной дождь. Она никогда легко не дарила ему своей солнечной улыбки, словно оставляла ему лишь неразгаданную загадку.

Лишь однажды, пробираясь сквозь тысячи тонких дождевых струй и густой туман, когда он шел по узкой каменной тропинке на пике Шисинь, внезапно ослепительная золотая вспышка пронзила мрачные облака. Яркое солнце с небес, словно всевидящее око божества, в мгновение ока разогнало все дождевые тучи, enveloping вершины семидесяти двух пиков.

В тот момент все посетители Хуаншаня не могли сдержать радостных возгласов, и даже всегда сдержанный Фу Синьдун широко раскрыл глаза. Ведь в эту молниеносную секунду он впервые увидел истинный облик Хуаншаня.

Это было похоже на появление прекрасного юноши, сияющего, как облака на закате, который в момент, когда сдернул покрывало, одарил его ослепительной улыбкой, прекрасной, как первое солнце.

Сердце Фу Синьдуна забило «гул-гул». В то мгновение Хуаншань, казалось, превратилась в многоликого красавца, загадочного и страстного, заставляя его все больше терять голову от восхищения, не в силах справиться с собой.

В полном одиночестве он почти два часа карабкался по горной тропе. Подняв голову, он увидел, как в облаках впереди проступают ажурные ветви Сосны Приветственной. Вершина пика Тяньду, закрытая для посещения уже пять лет, была совсем близко.

Он взглянул на светящиеся часы. Было всего пять утра, но для тех, кто приехал на Хуаншань в поисках красоты, это было лучшее время, чтобы встретить восход солнца над морем облаков.

В конце тропы на вершине пика Тяньду располагалась площадка из голубого камня, полого спускающаяся вниз — идеальное место для наблюдения за восходом.

Фу Синьдун достал из рюкзака бутылку минеральной воды и, откручивая крышку, stepped на каменную площадку.

Только его нога коснулась ступени, он вдруг замер. Бутылка, поднесенная ко рту, застыла в воздухе. Фу Синьдун словно кто-то заколдовал, и он глупо стоял там, на мгновение позабыв, где находится.

Ступеньки были окутаны облаками, словно другой мир.

Плавная площадка из голубого камня утопала в белоснежном море облаков. Утренние звезды уже побледнели, солнце еще не взошло, и в море облаков виднелась одинокая сосна. Под ней, одетый в белое древнее платье, стоял высокий мужчина. Его черные волосы развевались на

пронизывающем горном ветру, словно порхающие бабочки.

Прядь волос упала ему на лицо, закрыв глаза, холодные как ледяной кристалл. Он поднял руку; из белого рукава выглянули длинные пальцы, нежные как нефрит. Легким движением у лба он откинул беспорядочные пряди.

Затем, казалось, его взгляд скользнул в ту сторону, где стоял Фу Синьдун. Эта сцена, совершенно не похожая на земную, заставила его почувствовать, будто он попал в сон. В этом холодном и равнодушном взгляде он почувствовал, как его сердце начало биться безумно.

Взгляд мужчины легко скользнул дальше, в глубину моря облаков. Фу Синьдун почувствовал жар на лице и сухость во рту. Он хотел сделать глоток воды, но вдруг увидел, что тот мужчина, подобный небожителю, слегка обернулся, грустно улыбнулся и, собравшись с духом, прыгнул вниз с отвесной скалы перед собой.

— Бах!

Бутылка с водой выпала из рук Фу Синьдуна, и тело, повинуясь рефлексу, бросилось к обрыву.

— Стоп! Отлично, снимаем, сворачиваемся!

Где-то в углу раздался возбужденный мужской голос.

Фу Синьдун только бросился вперед, как услышал этот оклик. В одно мгновение вокруг поднялся шум, и площадка, только что бывшая тихой как fairyland, вдруг оказалась полной людей, скрытых в тумане.

Смотревшие, как несколько крепких мужчин с криками освобождают белоризого человека с троса, Фу Синьдун быстро понял: здесь снимали фильм.

Вспомнив, как он, увидев прыжок человека в древнем костюме со скалы, удивился и бросился спасать, он нахмурился и мысленно выругался:

«Черт возьми!»

Как заместитель начальника отряда уголовного розыска, он даже не заметил, что вокруг работает столько людей и техники. Увидев актера, прыгающего со страховкой, он все равно хотел броситься на помощь. Его голову, должно быть, продул горный ветер Хуаншаня.

Полагая, что ветер действительно сдул ему мозги, Фу Синьдун опустил голову, поднял бутылку и прищурился, глядя на белоризого мужчину в толпе. Два сотрудника снимали с него страховку; он слегка приподнял руки, его профиль, повернутый в сторону сосны, смотрел в бездонную пропасть.

Не зная почему, Фу Синьдун вдруг почувствовал необъяснимое раздражение. Ему было досадно, что эти люди в одно мгновение разбили его иллюзию, и с этим резким «стоп!» неземной юноша превратился обратно в играющего актера.

По мере того как солнечный свет усиливался, а туман редел, лицо белоризого мужчины стало видно еще четче.

Фу Синьдун смотрел на его профиль и вдруг о чем-то вспомнил. Он посмотрел на бутылку в руке. На этикетке было напечатано красивое лицо молодого человека и autograph. Это лицо

почти не отличалось от лица мужчины перед ним. Фу Синьдун тихо прочитал: «Минеральная вода "Шаншань", чистая, как я. Е Гуйчжоу!»

Фу Синьдун почти не следил за миром развлечений. Кто суперзвезда, кто восходящая звезда — для него это было темным лесом.

Но он знал одно: если человек рекламирует такой известный бренд, как минеральная вода «Шаншань», то этот красавчик с неестественной внешностью, должно быть, очень популярная звезда сейчас.

Глянув на указатель сбоку от площадки, Фу Синьдун на мгновение замер, но все же направился в сторону ущелья «Одна линия неба».

Сон, иллюзия, подобный небожителю? Фу Синьдун покачал головой и, идя, смотрел на картинку на бутылке. Даже в рекламе эта звезда по имени Е Гуйчжоу не выдавал ни улыбки. Уголки его губ были слегка опущены, и он просто смотрел вперед своими черными, как кристалл, глазами.

Этот человек выглядел немного нервным. Наверное, у всех актеров есть легкое расщепление личности.

Многолетняя профессиональная привычка заставила Фу Синьдуна подсознательно искать на лице Е Гуйчжоу черты его характера.

«Черт, ты реально свободен, тебе что, заниматься нечем, разбираться, сумасшедший там звездный или нет!»

Фу Синьдун не выдержал, залпом выпил всю воду из бутылки и, ругая себя на чем свет стоит, со всей силы швырнул пустую бутылку с изображением красивого актера в урну на обочине.

В следующие несколько дней Фу Синьдун больше не поднимался на пик Тяньду, где все еще снимали, а бродил в одиночестве по более безлюдным вершинам.

Хотя целью его поездки на Хуаншань как раз было наслаждение видом закрытой пять лет вершины Тяньду, почему-то он вдруг захотел держаться подальше от того места.

А сейчас, в самолете, Фу Синьдун и сосед по сидению уставились на экран, где лицо мужчины, готовящегося ответить на последний вопрос, внезапно озарилось слабой улыбкой.

— Почему я должен волноваться? Меры безопасности на съемочной группе, наверняка, очень надежны. К тому же, — он замолчал, улыбка медленно исчезла с его лица, взгляд скользнул по сторонам, — такое красивое место, похожее на fairyland. Даже если бы я действительно упал, я думаю, у меня не было бы никаких сожалений!

Ведущая на экране издала высокий звук:

— А! Не надо! Мы, фанаты, сойдем с ума! Ты не имеешь права так пугать нас!

Фу Синьдун нахмурился, сдвинув густые брови. Эти слова Е Гуйчжоу сильно отличались от предыдущих вежливых ответов, что немного удивило его. Мужчина рядом тихо «хмыкнул», пошевелился, и его длинная нога невольно коснулась бедра Фу Синьдуна.